

## МОДЕЛИ ВСТРЕЧИ «СВОЕГО» И «ЧУЖОГО»

Работа посвящена выявлению моделей встречи «своего» с «чужим» – отправление, паломничество, путешествие, туризм, посттуризм. Предложенные модели акцентируют особенности мировоззрения той исторической эпохи, в которой разворачиваются и расцветают. Способы взаимодействия внутри оппозиции «свой – чужой» различны в различных моделях. Выдвигается положение о том, что заявленные модели, возникшие в результате стремления к встрече с «чужим», к «встрече» не всегда приводят.

**Ключевые слова:** «свой»; «чужой»; встреча.

«Исторический материал позволяет нам сделать вывод: история религии, как и история общества, есть история выяснения отношений между “своими” и “чужими”» [1. С. 33]. Но формат этих отношений изменяется со сменой культурных парадигм, в то же время, «чужой», изменяясь или изменяя отношение к себе, раскрывает новые культурные смыслы. Согласно концепции Бубера, отношения возможны по факту встречи: «Я становлюсь собой лишь через моё отношение к Ты, становясь Я, я говорю Ты. Всякая подлинная жизнь – есть встреча» [2. С. 11].

Какими бы ярлыками и стереотипами ни был увешан «чужой», «свой» непременно жаждет встречи. Проблема чужого раскрывается в трудах исследователей в различных областях – философии, социологии, психологии, культурологии, теологии и др. Многие мыслители используют термины «чужой», «иной», «другой» как синонимы (например В.Н. Сыров), другие же выбирают наиболее подходящий термин при рассмотрении заявленного ими вопроса (например, Х. Ортега-и-Гассет использует термин «другой»). Современный исследователь архаики В.Б. Яшин выделяет оппозицию «мы – они», которая соотносится с оппозицией «свой – чужие» как наиболее ранняя форма. «В основе восприятия иноэтнических групп лежит оппозиция “мы vs они”: к человечеству, к сфере культуры, к норме относятся только представители своего этноса... в то время как иноплеменики воспринимаются как существа нечеловеческой природы» [3. С. 18]. Возможны и другие варианты рассматриваемой оппозиции, каждый из которых приобретает различные смысловые оттенки. Лингвистический анализ Р.А. Агеевой показывает, что «понятие “свой”, “говорящий ясно на своем языке” конкретизировалось; в качестве противоположных значений предполагалось “чужое слово” (“чудь”))» [4. С. 31]. Автор указывает на широкий круг в области применения понятий «чудь», «чудак», «чужак» и пр. Под «чужим» в данной работе понимается культурный «чужой» в широком смысле, то есть отличный от «своего» в политическом, религиозном, экономическом, социальном, этническом и других аспектах.

Акцент есть указание на то, что заслуживает особого внимания. В рамках данной статьи акцент ставится не на рассмотрение концептов «своего» и «чужого», что является отдельной темой исследования, а на стремление, интерес, отношение «своего» к «чужому», развитие того и другого как в процессе ожидания встречи, так и в процессе осмысления случившейся либо не случившейся встречи. Подобные стремления выражены в моделях встречи, выделенных автором. Перечень моделей встре-

чи не является исчерпывающим, возможны и другие. Приведенные ниже модели рассматриваются не в общем смысле, а на примере конкретного культурного материала, который позволяет наиболее ярко проявить ту или иную модель встречи с «чужим», иначе говоря, культурно-историческая реальность акцентирует одну из моделей в зависимости от контекста.

В литературе по изучению феномена туризма встречается множество классификаций этого явления. Э.Э. Линчевский и Ю.Н. Федотов выделяют типы туризма по целевой функции, мотивам и результатам, среди которых спортивный, рекреационный, реабилитационный, профессионально-прикладной, учебный, экскурсионный, приключенческий, коммерческий и многие другие [5. С. 10–11]. Если касаться содержания, то представляется возможным сложить модели встречи в рамки приведённой классификации. Но целью данной статьи является философский анализ способов встречи «своего» и «чужого», среди которых выделяется туризм. Различные классификации туризма оставляют философа мыслить в рамках туризма, нас же интересует встреча «своего» и «чужого» (встреча охватывает состояния «до», «во время» и «после»), а потому существующие в литературе классификации и типологии туризма автором сознательно не используются.

**Отправление.** Отправление осуществляется героями сказок и мифов, они отправляются в царство чужого, чаще всего в русских сказках его называют «Тридцатым царством». Ими движет сознание рода и поддержание гармонии в общине, а значит и в себе. Термин «отправление» выбран не случайно: акцент ставится на личности и субъектности лица, совершающего отправление. «Человек традиционной культуры признавал себя реальным лишь в той мере, в какой он переставал быть самим собой» [3. С. 15]. Его отправление обусловлено бытием рода. Он отправляется к «чужому» как часть «своего» рода, дабы обрести подлинное бытие. Мифологическое сознание циклично, но в определённый мифом момент цикличность обрывается и требует восстановления. Восстановление возможно только при сотрудничестве с «чужим». В архаических обществах известна традиция приглашать мастеров для важного дела из чужой земли.

Всё «чужое» неизвестно, окутано тайной и мраком, оттого приобретает предикат сакрального в противоположность профанному. Но этот мрак можно скорее сравнить не с тёмной пучиной нечисти, а с явлением божественного мрака. «Необыкновенное и экстраординарное тревожит: оно указывает на присутствие иного, нежели естественное; присутствие, или по меньшей мере зов, в смысле предназначенности, этого иного» [6.

С. 33]. Древние одновременно боялись чужого и благоговели пред ним, наделяли миры, им противопоставленные, сверхъестественной силой.

Путь в мифе и сказке не существует объективно, он существует постольку, поскольку есть герой, способный его пройти. «Переход от профанного к сакральному положен путём. Для мифопоэтического сознания путь, не совпадая с пространством, выступает как его квинтэссенция, его интенсифицирующая сумма, его линейный, одномерный образ. Само пространство определяется через совокупность путей, которые могут находиться в нём. Сам же путь в значительной степени соотносён с типом персонажа, который может являться субъектом пути» [7. С. 221]. Мифический герой способен сдвигать границы «своего». Движение пространственных границ происходит одновременно с движением возрастов героев и их социальных статусов. Например, невеста в сказке или мифе изначально «чужая» и «потусторонняя» готова к встрече с посторонним героем. В результате встречи происходит освоение чужого, обогащение своего, обретение себя в ином качестве.

На уровне мифического отправления происходит *встреча* (по Буберу) и возникают отношения внутри оппозиции «свой – чужой», которая еще не знает дробления и промежуточных звеньев и которая снимается по факту встречи и возникновения отношений. Такая модель преобладала в эпоху архаики, а характерный для нее принцип – принцип о-своения. И субъект, и объект о-своения представляют собой единицы, цельные образования. Иначе говоря, о-сваивать может только весь один всего другого одного.

**Паломничество.** До недавних пор о паломничестве говорили как о разновидности туризма. Однако в 2003 г. Межрелигиозный совет России внёс предложение в Госдуму о разграничении понятий «паломничество» и «туризм» на правовом уровне. Сам термин происходит от традиции привозить пальмовую ветвь из Израиля. Паломничество как явление существует во многих религиях мира, но христианское происхождение термина выделяет христианское паломничество среди прочих. Всякое паломничество подразумевает встречу с «чужим», поскольку священные места расположены на чужой территории (чужая культура, чужое государство, чужие люди), хотя не преследует такой цели. Основой паломничества является вера, центром объективации – святые места, а целями – обретение благодати, исцеление души и тела, достижение катарсиса. Подлинной же целью паломничества является встреча с «Вечным Ты» (термин Бубера). Необходимость этой встречи возникла потому, что человек Бога утерял. Паломничество своим рождением обязано утрате отношений человека и Бога («религия» дословно означает «связь», «воссоединение», «восстановление»). Стремясь восстановить отношения, паломник жаждет сакрального, жаждет мистического опыта. Он совершает паломничество на чужой земле, среди чужих людей, но встреча с ними для него не цель, и встречи с «чужим» не происходит. Паломническая модель встречи с «чужим» предполагает отказ от «своего» ради обретения Бога в себе. Отрешившись от «своего», не взирая на чуждость «чужого», паломники об-

ретают соборность (по Хомякову) и ожидают встречи с «Вечным Ты». Можно выделить несколько моделей паломничества. Для этого представляется возможным акцентировать мотивы паломничества: 1) внутреннее стремление; 2) давление социума или религиозное требование; 3) поверхностный интерес. Здесь движение мотивов паломника неоднозначно: с одной стороны, экскурсионная поездка, сопровождаемая поверхностным интересом, может оказаться поводом для раскрытия религиозных чувств и появления внутреннего стремления; с другой же стороны, внутреннее стремление, подавленное извне, разочарованное, оставит после себя одну только поверхность.

Вышеизложенная модель паломничества мотивирована внутренним стремлением субъекта, последняя – хотя ещё в IV в. «святитель Григорий Нисский осуждает чрезмерное увлечение паломничеством, считая, что паломники часто совершают путешествия из праздного любопытства, впадают в неприличные истории и искушения» [8], – становится преобладающей в современном поверхностном обществе. Такой паломник чувствует «непреодолимое желание оставить после себя какой-то знак, выцарапав где-нибудь на века свидетельство своего временного пребывания» [9. С. 278]. И это желание сопровождалось зеркальным желанием унести с собой кусочек чужого. В.П. Грицкевич рассказывает случай, как один паломник отгрыз кусок креста Господня во время целования [9. С. 279], дабы увезти с собой с чужой земли частичку божественного. Потеря цельности и единства Бога в сознании человека влечёт за собой потерю цельности самого человека, мира и вещей этого мира. Подобные способы взаимообогащения (выцарапывание «своего» на «чужом» и откусывание «чужого») искусственны, техничны, поверхностны. А значит, к обогащению как результату встречи не приводят.

Второй мотив выстраивает модель паломничества как чего-то внешнего, навязанного, неприятного, но обязательного для исполнения. Так, например, в исламе хадж является обязанностью каждого правоверного мусульманина, а в христианстве «церковь направляла в паломничества как наказание за проступки и во исполнение наложенной епитимьи. С XIII в. светские суды Западной Европы приговаривали к паломничеству убийц» [10. С. 68].

Расцвет паломничества приходится на эпоху Средневековья, но широкое распространение получает в современную эпоху, причем распространяется только третья модель паломничества. Если принять положение, что первая модель, движимая внутренним стремлением верующего к Богу, отражает суть подлинного паломничества, то паломники эти следуют принципу от-своения. От-своение позволяет человеку выйти за свои пределы ради обретения Бога. В процессе от-своения встречи «своего» и «чужого» не происходит, да и не может произойти, поскольку мистический опыт снимает любые оппозиции – в пространстве Бога нет противопоставлений, в отличие от пространства религии.

**Путешествие** – сложное слово, образованное от двух корней: «путь» и «шесть», что акцентирует внимание на двух моментах: важен сам путь, существующий объективно, и важен факт прохождения пути неким субъектом, без отношения к этому субъекту.

«Путешествие – это поиск путей сообщения. Стремление преодолеть пространство, изолированность своей культуры, вступить в контакт с другими народами, способствовало развитию человеческой цивилизации» [11. С. 24]. Для путешественника важно не столько место прибытия, сколько сам путь. Эпоха, для которой рассматриваемая модель стала доминирующей, – это эпоха Великих географических открытий.

Принципом построения модели явилось при-своение. Великие путешественники навсегда при-своили себе пути и маршруты, которые на картах отмечены их именами (пути Дрейка, Магеллана и др.). И многие географические объекты, встреченные на пути, при-своены их открывателям (Магелланов пролив и др.). Христофор Колумб вообще написал завещание на имя своего сына, в котором передавал ему открытую им (Колумбом) Новую Землю. Итогами великих путешествий стали: создание мирового рынка; прокладывание экономических, политических, культурных и, прежде всего, географических путей; открытия новых земель (колонии – объекты при-своения); получение экономической выгоды от всего вышеперечисленного.

Великие географические открытия – это открытия не индивидуальные, не себя и не в себе открытия, а открытия для всех, с пометкой на карте мира. Часть этого мира, открытое «чужое» нарекается ярлыком «своего». Меняется и вектор движения – теперь не чужое раскрывает бытие своего и помогает своему, оставаясь собой, обрести себя в себе ином, а «свой» нарекает «чужого» своим именем, тем самым даруя ему право на существование.

**Туризм** – это путешествие по кругу, так как место отбытия совпадает с местом прибытия. Е.В. Мошняга пишет, что система туризма состоит из четырех базовых элементов: генерирующий регион (начало и конец путешествия); транзитная территория (зона пересечения); туристическая дестинация (посещаемый регион); окружающая среда (зона обитания туристов) [12. С. 24].

Туризм как общественное движение получает широкое распространение в СССР как «неотъемлемая черта советского образа жизни» [13. С. 4]. Об этом может свидетельствовать огромное количество литературы советского периода, посвященной туризму. Это пособия, методички, справочники, карты, памятки, инструкции и т.п. Разумеется, понятие туризма гораздо шире и выходит за пределы СССР и в пространственном и временном отношении, но именно Советский Союз встраивает туризм в государственную идеологию и всяческим образом способствует развитию туризма.

Туризм как организованная деятельность предполагает прохождение неких пространств, безотносительно к ним, совершение усилий над собой, четко прописанные правила и цели, достигаемые в результате этой деятельности. Цели туризма сводятся к самообладанию, физвоспитанию (туризм – вид спорта), оздоровлению, обучению и др., но ни слова ни о «другом», ни о «ином», ни о «чужом». Туризм уводит от «своего» (предполагается время-препровождение в чужой местности), но к «чужому» не приводит, он акцентируется на у-своении. Турист у-сваивает опыт, знания, техники, дисциплину в турпоходе. Нечто целое можно только о-своить, а когда целое дробится на части, то части можно у-своить. Подобно

тому, как язык о-сваивается, а правила языка у-сваиваются. Туризм, согласно определению, осуществляется только в свободное время, значит туризм возможен тогда, когда время становится дискретным, отчуждается от человека и делится на свободное и занятое. Значит, и время частичное – частично у-сваивается туристом.

Пространство имеет более жесткое деление на территории, причём далеко не все территории поддаются у-своению. Советское правительство ограничивало туристическую дестинацию территориями СССР и странами Восточной Европы. Здесь улавливается парадоксальное сходство механизмов: Русская православная церковь вплоть до начала XX в. не приветствовала паломничество на святые места других конфессий, особенно к католическим святыням. История культуры приветствует у-своение «чужого», но сторонится очуждения «своего».

Тенденция развития туризма в СССР была такова, что организовывался и поощрялся местный туризм, разрабатывались стратегии въездного туризма и всячески ограничивался выездной туризм. Государство СССР ограждало граждан от встречи с «чужим», наделяя капиталистический мир аморальными признаками. «Как возрастает чувство патриотизма, когда внимательный взгляд советского туриста обнаруживает за сверкающим фасадом “свободного мира” мир бесчеловечности, надругательства над людьми» [13. С. 44]. Причем для въездных («чужих») туристов также создавался сверкающий фасад светлого коммунизма, а затем советская литература, говоря от лица туристов, посетивших СССР, в самом розовом цвете отзывалась о советском народе, традициях, благополучии. Подобное стремление движет людьми, когда они ставят заборы лицевой стороной наружу, для «чужого», а изнанкой – к себе, для «своего». Ведь каким бы отрицательным чужой не представлялся, красивая сторона оборачивается к нему. «Свой» теперь не познаёт себя через встречу с «чужим», «свой» превозносит себя над враждебным «чужим», иногда используя номинально его лицо, дабы говорить от «чужого» лица, что выходит эффективней для борьбы с ним же.

**Посттуризм.** В современном постиндустриальном обществе туризм перестает быть общественным движением. Инициатива и организация переходят в руки туристических агентств. Туризм становится услугой и обрастает бизнес-категориями, а модель туриста уступает модели посттуриста. Посттурист не только «чужого» не встречает, он «своего» не имеет – ни времени, ни пространства – номер предоставлен, время расписано, программа определена.

Посттуризм не осуществляется в свободное время – акценты и векторы направленности сменились. И теперь время специально освобождается (планируется отпуск) под посттуризм, который предполагает бронирование билетов, отелей и др. В централизованной туристической деятельности советская общественность нашла лекарство от пьянства, разврата, безделья посредством заполнения свободного времени трудящихся. Посттуризм зачастую даёт обратный эффект, раскрепощая, высвобождая, распуская страсти и пороки личности. Оказываясь среди «чужих», которые метафизически не переживаются им как «чужие / сакральные / потусторонние», а воспринимаются им как «не-свои», человек раскрепощается и чувствует вседозволенность в случае если

«свои» сдерживают его нормами морали, традицией и т.д. Таким образом, уничтожив в себе сакральность «чужого», человек теряет «своё» и растворяется в массе, о чём свидетельствует термин «массовый туризм». Пространство – и «своё», и «чужое» – также утрачивается в модели посттуризма. «Постмодернизм и туризм создали феномен безмесья... Концепт безмесья тянет за собой идею дальнейшего концептуального развития туристского пространства, в котором создаются квазикультурные объекты, потребляемые посттуристами» [12. С. 80]. «Сегодня туристы предпринимают путешествия для самого удовольствия осмотра разнообразия ландшафта... жители древнего мира преодолевали тяготы по конкретной причине... их совершенно не интересовало величие гор, им ничего не говорила строгая красота пустынных мест» [9. С. 215–216]. Как человеку не видать своих ушей, так и античному человеку, слитому с природой, не видать природы. В противоположность, современный турист может восхищаться, любоваться и лицезреть природу как «чужую», отличную от него. Природа способна видаться современному человеку в рамке и под стеклом. Для посттуризма характерно размывание границ «своего» и «чужого», и как следствие – невозможность их встречи.

Встреча, конечно, происходит, но не встреча «своего» и «чужого», а «чужой» (гид) встречает посттуриста и затем сопровождает его по прибытии, в отеле, при передвижении по зоне обитания туристов. Окружающая среда, благодаря работе туроператоров, принимает облик «своего». «Чужой» подстраивается под посттуристский контингент посредством музыки, ресторанов, развлечений и др. «Чужой» перестаёт быть «чужим» ради того, чтобы «свой» чувствовал себя как дома. Чужой гид говорит на домашнем языке, использует в общении с посттуристами фразеологизмы, пословицы, поговорки, анекдоты, относящиеся к культуре посттуристов. Таким образом, делается всё, чтобы «своему» создать оболочку «своего» и не допустить встречи с «чужим». Обогащение «своего» от встречи с «чужим» вырождается в коллекцию сувениров, в частности магнитов, увлечение фотографией, собирание мест посещения. Теперь места посещения становятся галочками в личной коллекции посттуриста. Но галочки в коллекции должны иметь внешнее выражение и чем-то подтверждаться.

Как для советского туриста «фотоиллюстрации» являются обязательной частью отчётов о туристских по-

ходах» [14. С. 4], так для современного – фотографии узаконивают его личную коллекцию мест посещения. Когда «свой» не способен встретить «чужого» в реальности, он схватывает его кадром в действительности, точнее, схватывает не «чужое», а его поверхность, и не себе, а для себя. Встреча с «чужим» не поддаётся времени, она не может быть в прошлом, или в настоящем, или в будущем – она преодолевает временность. Фотография же чётко фиксирует нечто как что-то уже бывшее, исполненное, прошедшее и завершённое. Фотография принадлежит прошлому, поэтому сфотографировать встреченное – значит отправить встречу в прошлое. Чаще необходимость фотографии «чужого» возникает из невозможности увидеть (встретить) «чужое». Галочки коллекции отражают лишь поверхность посещённого «чужого». Обе стороны рассматриваемой оппозиции оказываются замкнутыми, с закрытой сущностью под предельно открытой оболочкой.

Каждая из рассмотренных моделей встречи с «чужим» содержит мировоззренческую позицию той или иной культуры. Эти модели выражаются в способах взаимодействия «своего» и «чужого». Различия же способов взаимодействия коренятся в различии мировоззрения и мировосприятия различных культур. Хронологический порядок моделей не носит строгого характера. Изначально заложены все способы встречи с «чужим», но в тот или иной исторический промежуток преобладающим является один из. Автор работы «История туризма в древности» В.П. Грицкевич демонстрирует нам, что в зарождающихся формах туризма уже наличествовали такие моменты, как массовость, фанатизм в паломничестве, коллекционерство, страсть к сувенирам, тяга к наживе и др. [9. С. 9–279]. Но каждый последующий исторический период сохраняет модели отношений к «чужому» предшествующих периодов. «Болезнь нашей эпохи непохожа ни на одну из тех, которыми переболели прежние, но в то же время, она взаимосвязана с ними всеми» [15. С. 64]. С одной стороны, определяющие современную культуру тенденции (безразличие, равнодушие, интеграция, глобализация, поверхностность) существовали и в древности; с другой стороны, современная культура представляет собой многослойную (сложную, не поверхностную) систему взаимоотношений «своего» с «чужим», которая требует осмысления и дальнейшего изучения.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулина С.Д. Толерантность: от истории понятия к современным социокультурным смыслам. Омск, 2010. 90 с.
2. Бубер М. Я и Ты. М., 1993. 175 с.
3. Письменные источники в контексте истории. Омск, 2010. 225 с.
4. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990. 256 с.
5. Линчевский Э.Э., Федотов Ю.Н. Типология и психология туризма. М., 2008. 272 с.
6. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000. 222 с.
7. Топоров В.Н. Пространство и время // Текст: семантика и структура. М.: Прогресс, 1983. С. 220–232.
8. Паломничество. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 29.07.12).
9. Грицкевич В.П. История туризма в древности. СПб., 2005. 336 с.
10. Христов Т.Т. Религиозный туризм. М., 2003. 288 с.
11. Гулиев Н.А., Мельникова Е.В. История туризма. Омск, 2004. 295 с.
12. Мошняга Е.В. Концептуальное пространство межкультурной коммуникации в туризме в условиях глобализации. М., 2010. 218 с.
13. Алексеев С.С., Рубель Р.Б. Размышления о туризме. Свердловск, 1974. 112 с.
14. Луговьев Д.А. Туризм и фотография. М., 1984. 128 с.
15. Бубер М. Два образа веры. М., 1999. 592 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 21 марта 2013 г.